

DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00012

УДК 321.7:316.462:004.77

**ЦИФРОВОЙ АВТОРИТАРИЗМ И ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ:
СОДЕРЖАНИЕ И ГРАНИЦЫ**

Власова О.Ю.

Современные цифровые технологии заставляют по-новому взглянуть на классические понятия авторитаризма и демократии. В статье описываются оба эти понятия, а также условия существования как цифрового авторитаризма, так и электронной демократии, которые зачастую используют схожие политические механизмы (например, электронное участие). Автор подробно останавливается на зыбкости понятия демократии в цифровую эпоху и обозначает свои условия для ее возникновения и эффективной деятельности. Фактор возникновения и становления электронной демократии (либо снизу через платформы гражданского общества, либо с государственного уровня) может стать критичным для устойчивости и длительности ее функционирования.

Ключевые слова: цифровой авторитаризм, электронная демократия, гражданское общество, электронное участие, цифровизация, права человека.

**DIGITALIZED AUTHORITARIANISM AND E-DEMOCRACY:
CONTENT AND LIMITATIONS OF CONCEPTS**

Vlasova O.Y.

Contemporary digital technologies make us rethink the basic concepts of authoritarianism and democracy. The article contains descriptions and conditions of existence of both digitalized authoritarianism and e-democracy, which often use common political methods (for example, e-participation). The author highlights the fragility of the democracy concept in the digital era and represents certain conditions of its emergence and effective implementation. The way of e-democracy emergence and development (via civil society platforms or from the state level) is to be the crucial one for its further sustainability and duration of implementation.

Keywords: digitalized authoritarianism, e-democracy, civil society, e-participation, digitalization, human rights.

Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Цифровые технологии и современность

Масштабы и следствия современного этапа цифровизации общества, несомненно, носят революционный характер, и порождают как сверх ожидания, так и новые представления о мире. При этом цифровизация общества несет и новые угрозы, которые не всегда в должной мере осознаются гуманитарным знанием. В современную эпоху стало банальным утверждение о том, что реальная власть принадлежит тому, кто владеет информацией. Впрочем, справедлива и антитеза этому утверждению: информация принадлежит тому, кто обладает реальной властью [4, с. 186].

При этом возможности электронной связи и изменения в способах передачи информации изменили не только модели осуществления власти как таковой, но и все общественные процессы [3, с. 58]. Классическое понимание пространства как некоего расстояния, которое возможно преодолеть за определенный отрезок времени, более не может существовать в таком виде в сетевом контексте, поскольку в данном случае меняются сами оси координат. На преодоление небольшого отрезка дороги порой может потребоваться больше времени, чем на перемещение информации в глобальных масштабах. Но именно скорость коммуникации имеет решающее значение в социальном мире. И именно через скорость коммуникаций определяется пространство как таковое.

Таким образом, одно и то же пространственное удаление может означать разные расстояния и не быть эквивалентно ни одному из них. Соответственно,

пространство не есть расстояние, но совокупность разных расстояний [2, с. 373].

Именно потеря целостности пространства, его разобщенность и его же способность к воссоединению становится основой для образования социальных сетей, которые в некотором смысле предстают автономными социальными мирами, нуждающимися в собственных пространствах, в то же время стремящимися не утрачивать связь с «общим» пространством [3, с. 61].

С тех пор как газеты потеряли функцию формировать общественное мнение, а на смену газетам не пришел никакой другой формат в чистом виде, каждый человек вынужден формировать свою точку зрения по всем вопросам самостоятельно на свой собственный страх и риск. Каждый сам должен формировать свое мировоззрение во всей целостности и полноте.

Доступность информации подталкивает каждого индивида к формированию собственного видения по большинству вопросов, которое не всегда укладывается в классические координаты идеологий. А точнее всегда выходит за них в определенном случае. Каждый конкретный человек вынужден самостоятельно не только занимать определенное пространство, но и формировать его из множества собственных позиций по самым различным вопросам социальных взаимодействий.

Еще 15 лет назад мы воспринимали цифровые технологии и Интернет как средство освобождения и демократизации. На этой эмоциональной волне произошел ряд «цветных» революций и демократических протестов, появилось понятие *netizen* (гражданин сети), имело место своего рода разрушение вертикального мира, прорастание сетевых взаимодействий вне стран и границ. Интернет представлялся распределённой горизонтальной силой мира, а его глобальное проникновение предполагало, что все люди на земле увидят правду, и с их глаз спадет пелена.

Однако уже спустя 10 лет мы понимаем, что ничего из такого ожидаемого не произошло. Сеть разобщена, и никакой единой правды и единого потока информации об этой правде в Интернете не существует. Тем временем,

общество возвращается в национальные границы, по разным причинам все больше и больше нуждается в патернализме, а уровень националистических настроений возрастает. Избрание Д. Трампа президентом США и Brexit стали яркими событиями этого этапа осмысления сетевой реальности. Своеобразный откат на этом этапе заставил задуматься о том, не предаем ли мы слишком большое значение сетевым структурам общества, не переоцениваем ли значение Интернета? Но вместе с тем, откат второго этапа не остановил дальнейшее развитие сетевых и цифровых технологий [9, p. 50]. Напротив, уровень развития Интернета уже едва поддается гуманитарному осмыслению и с технологической точки зрения ушел далеко вперед.

Цифровой авторитаризм

Развитие цифровых технологий приносит не только открытость и свободу, но и постепенно становится питательной средой для авторитарных режимов. Возникает феномен цифрового авторитаризма, основанного не на массовом насилии, а на манипулировании информацией за счет внедрения элементов искусственного интеллекта.

Эйфория первого этапа массового внедрения цифровых технологий, связанная с представлениями о полном доступе к информации, означающем близостью свободы, закончилась тем, что Интернет и цифровые коммуникации для большинства жителей планеты стали не местом для получения информации и знаний, а местом для развлечения. По статистике политическим контентом в Интернете интересуется не более 8-10% пользователей. И эта непредвиденная закономерность закономерна.

Пространство Интернета делит общество на группы по интересам. Каждая группа производит свой собственный дискурс и изолируется от посторонних воздействий, сознательно ограничивая некомфортные источники. Уже можно смело утверждать, что Интернет сегодня – это не океан знаний, а океан развлечений.

Другими словами, даже имея достаточно полный доступ к разносторонней информации, общество не всегда готово пользоваться им.

Общественная самоцензура – первый фактор несостоятельности Интернета как панацеи от авторитаризма.

С чем связана такая самоцензура? Только ли с человеческой ленью и нежеланием поглощать серьезную информацию? Дело в том, что Интернет является не только кладезем свободной информации, но также весьма зыбким гибридным пространством, где в принципе поставлена под вопрос идея правды и истины. Каждая группа старается высказать свою правду и доказать ее универсальность в основном посредством манипулирования. Авторитетов и иерархии нет. Единственный авторитет – человек громкий. А громким становится тот, кто вызывает больше эмоций. При этом способы достижения громкости и эмоциональной яркости могут быть самыми разнообразными и в пределе доходить до дезинформации, фейк-ньюс и прямого манипулирования.

Все это ведет к кризису рациональности в сети, которая в свою очередь становится главным поставщиком эмополитики. При этом может возникнуть ощущение, что с помощью ярких эмоций в политике, которые пользователи черпают через Интернет, граждане могут стать более политизированными, заинтересованными и социально активными. Однако такое представление разбивается о реальности *offline* процессов. Эмоции в сети едва ли переносимы на собрания, митинги и протесты. Гражданин, привыкший получать эмоции в Интернете, ощущающий некую принадлежность к сетевому сообществу, имеющий поддержку среди таких же пользователей, еще больше окажется привязанным к своему дивану, и вряд ли ощутит необходимость в единстве с другими людьми на площади [11, р. 6].

Таким образом, Интернет не стал панацеей от авторитаризма. А кажущийся доступ к всевозможной правдивой информации обернулся самоцензурой, а также дальнейшим контролем со стороны авторитарных режимов.

Второй фактор несостоятельности цифровых технологий и сети как панацеи от авторитаризма заключается в том, что любое технологическое изменение должно накладываться исключительно на рабочие общественные

институты. Иначе технологии обречены воспроизводить исключительно тоталитарные матрицы. Цифра не задает вопросы, а пишет и исполняет алгоритмы. Владеть свободой будет по-прежнему тот, кто задает эти алгоритмы. Однако эта деятельность будет еще меньше поддаваться реальному выявлению и опубличиванию.

И в данном случае речь о необходимости изначального существования самых простых общественных институтов: ответственное правительство, парламент, выбранный президент, независимый суд. Существующие в авторитарных режимах субституты – персоналистские тени одного человека – неспособны будут выполнить комплексной задачи по сохранению права человека на личную жизнь при огромном соблазне использования цифровых технологий в собственных интересах.

Таким образом, цифровые технологии будут способствовать еще большему разделению стран на развитые свободные и недемократические авторитарные в зависимости от изначального наличия либо отсутствия работающих базовых общественных институтов. При этом преодолеть этот разрыв будет еще сложнее [9, р. 53]. Причин этому несколько:

1. Авторитарные режимы будут прикрываться современными технологиями, создавая видимость развитых систем.

2. Преступления режима будет практически невозможно доказать, так как вся история будет зашита в искусственный интеллект и доступ для общественного контроля и наблюдения будет практически невозможен. Мы уже наблюдаем этот процесс с Государственной автоматизированной системой Российской Федерации «Выборы» (ГАС «Выборы»). Нередко наблюдатели четко фиксируют процесс голосования и подсчета голосов на участках, а затем «чудесным» образом цифры в системе ГАС «Выборы» расходятся с изначальными протоколами. Далее начинаются суды с предоставлением копий первичных протоколов. И в данном случае настойчивость наблюдателя и наличие первичного протокола может сыграть положительную роль в деле восстановления справедливости. Однако, как быть в случае с электронным

голосованием? Где, кто и как будет наблюдать за этим процессом, и где будет выдаваться «первичный» протокол, если изначально все «зашифо» в цифру и никак иначе?

Полная цифровизация и доступ к персональной информации со стороны авторитарного режима будет вести к тотальному контролю за человеком, а главное практически лишит его возможности выйти за рамки этого контроля. Насколько жесток будет этот контроль, будет определяться политической активностью гражданина. И, так как политически активный класс, не составляет большинство населения, то для основной массы граждан процесс данного контроля будет оставаться незаметным до поры до времени. Незаметность такого тотального контроля в свою очередь практически легитимизирует его, так как он не будет приносить «дискомфорта» для всех без исключения членов общества.

Мы даже не осознаем, какие огромные массивы данных уже хранятся в разных информационных системах. Это данные о наших перемещениях, запросах, желаниях, покупках, интересах, поисковых привычках, персональных данных. Зачастую мы соглашаемся на хранение этой информации, даже не читая пользовательское соглашение, а просто потому, что в данный момент нам важно использование того или иного ресурса. С одной стороны, решение участвовать или не участвовать в сборе личной информации должно оставаться за гражданином, однако, современные системы обработки персональных данных и устройство жизни настолько завязаны на цифровые технологии, что такое решение может быть продиктовано только выбором полного отшельничества, что вряд ли возможно для большинства граждан.

Демократическое государство, в основе которого лежат права человека и свобода личности, прежде всего, должно гарантировать надежные способы шифрования и последующего уничтожения информации об индивидах, чтобы гарантировать их право на личную жизнь. Но как мы видим, исполнение или не исполнение данного обязательства лежит целиком и полностью в плоскости государственного решения и зависит от его идеологии и ценностей [10, p. 675].

В свою очередь, научившись цензурировать Интернет по мере надобности, а также собирать информацию о гражданах и напрямую следить за ними через системы распознавания лиц, авторитарные режимы получают практически неограниченные возможности для самовоспроизводства.

Таким образом, новая форма авторитаризма основывается не на массовом насилии, а на манипулировании информацией. Авторитаризму больше не нужны танки, как на Тяньаньмэнь, а нужны цифровые технологии для самовоспроизводства. Все это в конечном итоге ведет к ограничению прав и свобод личности и расширению контроля над его членами.

Любопытно, но такого рода беспокойство одновременно соседствует с удивительной беспечностью пользователей современных электронных средств. Люди часто либо не задумываются, либо не догадываются, что вся информация, размещаемая ими собственноручно, может обернуться против них [4, с. 203]. Почему так происходит? Действительно ли виной всему лишь незнание и наивность?

Одна из причин такого активного поведения граждан в сети может крыться в запросе на участие, который присущ как демократиям, так и авторитарным государствам. А разного рода электронные платформы представляют собой упрощенный доступ к этому участию. В авторитарных странах институт электронного участия может выполнять несколько функций:

1. Электронное участие может стать элементом внутренней и внешней легитимации. Использование подобных институтов повышает устойчивость режима, так как с их помощью власть может сигнализировать о своей, с одной стороны, открытости, а с другой стороны, силе: обеспечивать исполнение обязательств и контролировать деятельность правящей элиты [1, с. 38].

Более того, велико символическое значение информационных технологий для режима. Цифровые технологии становятся важным фактором для формирования «электронного образа» государства, его современности и устойчивости. Государство начинает восприниматься как слышащее и готовое к диалогу со своими гражданами. При этом не так важно, о реальном ли участии

граждан идет речь, в этом будут разбираться далее лишь единицы. Имиджевая роль внедрения электронного участия достигается любым уровнем имплементации. И в демократиях, и в автократиях новые технологии открытости и участия играют примерно равную роль в поддержании легитимности власти.

2. Авторитарные режимы нуждаются в оценке общественного мнения, в информации о нем. Именно поэтому электронное участие становится важнейшим инструментом мониторинга общественных настроений. Собираются гигантские массивы информации о том, чего люди на самом деле хотят, какие проблемы реальны, как они соотносятся с желаниями, как они могут быть решены. При этом в авторитарных режимах речь не идет об участии граждан в принятии решений, но о высказывании мнений, замаскированных под реальное голосование, что является крайне важным механизмом по сбору информации. Участие в такого рода процедуре поощряется со стороны государства (например, в системе «Активный гражданин» за участие начисляются бонусные баллы, которые в дальнейшем можно поменять на вознаграждения), что еще раз доказывает пользу подобных онлайн проектов и получаемых пользовательских данных для поддержания режима.

3. Электронное участие является и инструментом повышения инвестиционной привлекательности государств. Оно является, своего рода, фактором международной социализации и экономической привлекательности. Соответствие мировым трендам влечет за собой как повышение статуса, так и конкретные выгоды в виде притока иностранных инвестиций. Более того, существует и обратный процесс: включенность в мировую коммуникацию способствует приобретению знаний о лучших мировых практиках и возможности их дальнейшего использования. Позиции государства в международных рейтингах повышаются, а это усиливает статус страны за рубежом. Электронное участие полностью вписывается в эту схему, будучи международно-признанной передовой системой демократического управления,

продвигаемой, в том числе, средствами ООН и через политику других международных организаций и государств [1, с. 39].

При этом понятно, что роль электронного правительства или электронного участия в недемократических странах остается очень условной. Внедрение такого механизма не означает, что граждан допускают к принятию политических решений, как это происходит в демократиях, и оно ни в коем случае не влечет за собой каких-то политических или институциональных преобразований. Никто не допустит граждан к обсуждению того, что нужно или что не нужно в каком-либо законе, или как должен быть устроен бюджет. В авторитаризме электронное участие сводится к возможности оценить последствия уже принятого решения или поучаствовать в имплементации.

По сути же электронное участие должно не только давать людям оценить, что уже придумано, как это происходит в авторитарных режимах, но предоставлять возможность поучаствовать в придумке этих самых платформ, законов и идей, а решения должны основываться именно на потребностях граждан в этих механизмах.

Еще одна проблема, связанная с электронным участием в авторитарном режиме, заключается в том, что при необходимости провести соответствующий опрос по относительно важной теме, возможно смело, бесконтрольно и безнаказанно прибегать к разного рода фальсификациям. Начинаться фальсификации могут еще на стадии регистрации. Так как режим заинтересован в массовом участии граждан в деятельности данных платформ, то чаще всего регистрация является крайне упрощенной. Однако это, в свою очередь, создает возможности для накрутки голосов и появления разного рода ботов и мертвых душ. Второй уровень фальсификаций может проводиться на стадии формирования алгоритмов, о чем уже было сказано выше.

Важное место при анализе цифровых технологий в авторитарных режимах занимает так называемая цифровая дилемма диктатора. Ее появление связано с дуальностью цифровых технологий: с одной стороны, цифровые и сетевые технологии помогают экономическому развитию в стране, с другой

стороны, они же создают поток свободной тяжело контролируемой информации, что может умело использоваться протестными движениями для мобилизации собственного потенциала, а это в свою очередь является неоспоримой угрозой режиму, по крайней мере, в глазах диктатора. Так авторитарный правитель оказывается перед выбором: либо препятствовать развитию новых технологий ценой экономического отставания, либо рисковать потерей собственной власти.

Надо сказать, что у авторитарного правителя при этом накопился уже целый арсенал инструментов, позволяющих поддерживать устойчивость режима, даже при условии использования цифровых технологий. Например, одновременно с внедрением электронного участия можно усилить контроль над гражданской активностью online и offline, вплоть до прямых запретов и политического террора. Создание суверенного либо несвободного Интернета, национальных платформ, программного обеспечения и приложений также является действенной стратегией наиболее прозорливых диктаторов (Китай, Сингапур, Марокко). Таким образом, лидеры стран пытаются максимизировать экономические выгоды, снижая при этом демократизирующий потенциал цифровых технологий.

Поэтому мы можем заключить, что все больше и больше стран практикуют то, что называется сетевым авторитаризмом, когда режим использует цифровые технологии и приспосабливается к тем изменениям, которые они несут [1, с. 40]. Они допускают относительно свободное общение в сети, но различными способами препятствуют его превращению в угрозу режиму. И в этом смысле, власть выступает не только как регулятор, но и как активный участник Интернет пространства.

Электронная демократия

Вместе с тем современные цифровые технологии открывают и новые окна возможностей для развития политических процессов и вовлечения граждан в непосредственное управление государством. По крайней мере, теоретически мы можем смело представить себе переход обратно от

представительной демократии к прямой посредством цифровых технологий. Не нужно больше заботиться о том, как собрать всех людей в одном месте, на одной площади, чтобы узнать их мнение, но достаточно организовать соответствующую цифровую платформу для такого рода участия.

Электронная демократия в идеале предполагает, что каждый гражданин может принимать участие не только в голосовании, но и имеет право вносить свой вопрос в повестку дня и высказываться по каждому из пунктов. Именно такая процедура будет гарантировать истинное участие граждан в управлении страной.

Отмечают несколько важнейших принципов электронной демократии:

1. Подвижность выбора. Волеизъявление избирателей происходит не раз в какое-то количество лет, а намного чаще по разным вопросам с помощью технических средств.

2. Делегирование голоса. На сегодняшний день в век не только технологического прогресса, но и специализации огромного количества отраслей соблазн возрождения прямой демократии упирается в невозможность большинства граждан принимать решения по целому спектру специальных вопросов [11, р. 6]. Специалисты в одной сфере не всегда имеют возможность параллельно разбираться во всех других отраслях только лишь для того, чтобы правильно проголосовать при принятии решений по всем вопросам. При этом возникает и другая проблема, а способен ли человек признать недостаточный уровень компетентности и отказаться от принятия решения по тому или другому вопросу?

В этих условиях одним из выходов видится возможность делегирования голоса тому или иному эксперту, представителю, придерживающемуся близкой тебе позиции по конкретному вопросу. По каждому новому вопросу такое делегирование может отличаться, либо гражданин может выступить сам в роли эксперта и собирать делегированные ему голоса сограждан.

3. Прозрачность информации на всех уровнях, включая соискателей разного рода позиций в рамках системы электронной демократии.

Феномен электронной демократии в корне отличается от родственного понятия электронного правительства. Последнее предполагает улучшение качества доступа к услугам государства, повышение оперативности и удобства такого доступа, тогда как электронная демократия имеет целью расширение возможностей каждого гражданина по непосредственному участию в управлении государством.

Также часто на практике под электронной демократией понимают узкую сферу электронного участия. Однако с теоретической точки зрения это является неверным, так как электронное участие занимает промежуточное место между электронным правительством и электронной демократией. В отличие от последней электронное участие может относиться не только к политической сфере, но и к любой другой отрасли, а в случае электронного участия в политике не обязательно имеет своей задачей принятие решений [1, с. 36].

Как уже было сказано выше, электронное участие может активно использоваться и авторитарными режимами, так как при этом происходит сбор мнений, но не выборы, не волеизъявление, не активное действие.

Электронная демократия теснейшим образом связана и с таким понятием как коллективный интеллект или коллективный разум и, собственно, основывается именно на нем. Сам термин *коллективный интеллект* возник при изучении процесса коллективного принятия решений. Определить его можно как способность группы находить решения задач более эффективные, чем лучшее индивидуальное решение в этой группе. Из этого определения вытекает закономерность: чем больше будет данная группа, тем лучше будет найденное решение. Цифровые технологии в этом смысле предоставляют универсальные возможности по расширению данной группы до максимальных размеров, а значит, путем взаимодействия между людьми будет расширяться и общий фонд социального знания.

Коллективный интеллект будет играть важную роль в процессе демократизации общества в том случае, если он будет опираться на культуру, основанную на знании, на совместном использовании идей и полученной новой

информации. Так коллективный интеллект будет способствовать большему пониманию разнородного социума разными его членами. Но и здесь кроется потенциальная уязвимость возможностей коллективного интеллекта для демократизации общества. Если знание одних ограничивается другими членами общества, то такая ситуация неизбежно будет иметь прямо противоположные последствия внедрения коллективного интеллекта: такое общество пойдет не по пути демократизации, а по пути становления цифрового авторитаризма через манипулирование, коррупцию и узурпацию власти.

Однако связка электронной демократии с коллективным интеллектом наталкивает на выявление и еще одного противоречия. С одной стороны, электронная демократия призвана расширить возможности в управлении государством каждого отдельного гражданина, но, с другой стороны, такое управление возможно только в условиях коллективного интеллекта, в рамках которого происходит явный сдвиг фокуса знаний и власти от индивидуального к коллективному. Именно в этом противоречии автор видит ключевую уязвимость электронной демократии как некоего универсального подхода в управлении будущего.

Однако, по мнению А.Н. Пилипенко, кризис представительной демократии – умозрительный конструкт, которого по факту не существует. А это значит, что не существует и необходимости в изобретении новой формы демократии. Кризис представительной демократии – ее естественное состояние, так как существует неизбежный разрыв между управляющими и управляемыми: избранники управляют от имени суверенного народа и опираются на волю последнего. Представительная демократия создала собственную ловушку, из которой она не может выбраться. Она представляет собой политическую систему, которая видит народ управляемым, то есть подчиненным по его же собственной воле [4, с. 188]. Честные выборы – четное крепостное право, потому что решения принимает все равно не гражданин. Однако, как мы видим, даже концепты электронной демократии все равно в той или иной мере скатываются к теориям делегирования, что не отрицает

принципа представительности даже при электронной демократии. Однако, цифровая демократия лишь создает у гражданина иллюзию участия в управлении, что может активно использоваться именно авторитарными режимами.

Условия эффективности электронной демократии ограничены следующими факторами:

1. Уровнем доверия граждан государству. Механизмы электронной демократии требуют высочайшего уровня доверия держателям электронных алгоритмов. Любое сомнение в честности и исправности алгоритмов приведет к нежеланию участвовать в процессах, а, следовательно, к дальнейшим манипуляциям и фальсификациям.

2. Высоким уровнем прозрачности демократических процедур и деятельности политических лидеров. В государстве должна существовать особая информационная политика, построенная на принципах открытости и доступности для граждан информации о деятельности органов публичной власти и лиц, их представляющих.

3. Высочайшим уровнем мотивации политического класса учитывать и поддерживать данную форму принятия решений.

4. Мирным временем. Об этом подробнее поговорим ниже.

Электронная демократия и современность

Перечисленные выше условия эффективности электронной демократии являются базовыми и неотъемлемыми элементами ее существования. При отсутствии любого из вышеперечисленных элементов цифровая демократия достаточно быстро может скатиться к цифровому авторитаризму, выбраться из которого обратно практически не представляется возможным. Отсутствие такой возможности обосновывается еще более глубоким разделением стран в цифровую эпоху на развитые свободные и недемократические авторитарные в зависимости от изначального наличия либо отсутствия работающих базовых общественных институтов.

Интересно, однако, проанализировать степень устойчивости каждого из условий существования цифровой демократии.

Обратимся к необходимому фактору высокого уровня доверия граждан государству, которое крайне необходимо для массового участия и имплементации электронной демократии. Помимо естественных колебаний уровня доверия, на эту сферу значительное влияние оказывает и само распространение цифровых технологий. Огромным вызовом для государства становится неуправляемый информационный поток, который может быть направлен, в том числе, и на оценку его деятельности. Пользователи охотнее делятся в сети негативным опытом взаимодействия с государственными органами, воспринимая ровное и успешное общение как некую норму. Поэтому фактор доверия государству автоматически попадает в зону риска, когда речь идет о свободных сетевых взаимоотношениях.

Как же демократическому государству нарастить уровень доверия в новых условиях или, как минимум, не потерять его?

Для возникновения доверия недостаточно создать электронные площадки для голосования по общественно-значимым вопросам. Важно, чтобы гражданам были понятны правила выявления приоритетов, чтобы они не сомневались в прозрачности процедуры голосования, чтобы итоги голосования материализовывались в конкретные государственные решения. В противном случае эффект оказывается обратным, возникшее разочарование только усиливает отчуждение населения от власти. Ученые выявили, что уровень доверия начинает резко снижаться, если в публичных обсуждениях гражданам не удастся отстоять свою точку зрения на решение проблемы, а чиновники оказываются неспособными пойти на компромисс [8, p. 15].

Цифровизация публичного пространства привела к появлению новой информационной среды, влияющей на ожидания граждан в отношении системы государственного управления [5]. Государство для минимизации рисков доверия вынуждено наращивать свое присутствие в онлайн-пространстве и использовать цифровые технологии с целью формирования образов,

представлений и ценностей, помогающих достигать доверительного к себе отношения со стороны граждан. Это само по себе является очень зыбкой основой, по факту достаточно сильно зависящей от самого государства и воли политического класса. Однако если на сегодняшний день такая воля существует, это не дает никаких гарантий, что она сохранится в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Эти же аргументы можно смело отнести и к необходимости поддержания высокого уровня прозрачности демократических процедур и деятельности политических лидеров, а также к необходимости высокого уровня мотивации политического класса учитывать и поддерживать процедуры электронной демократии. Данные факторы глубоко завязаны на волю политического класса, которая при малейшем институциональном сбое может меняться прямо на противоположную.

Хорошим доказательством этим процессам послужили события, связанные с кризисом, вызванным распространением новой коронавирусной инфекции. Кризис заставил правительства по-новому оценить риски и угрозы и полностью пересмотреть политические и этические приоритеты своей деятельности.

Как пишет Д. Чэндлер, «новая этическая «политика дистанцирования» от жизни (социальной, политической и экономической) переворачивает прежнее биополитическое понимание «голой жизни», жизни вне политического контекста. Сейчас же в центр этических принципов вновь ставится именно «голая жизнь», а проблематизируется или исключается формальная политика, опаздывающая за летящей реальностью. Такое авторитарное мировоззрение сильно отличается от моделей прошлого и лучше понимается как «антропоцентрический авторитаризм» [7, с. 152].

Кризис показал, что в отсутствии фактора «мирного времени» проблема может крыться в самом обществе. Именно люди в панике могут создавать дефицит, именно люди, общаясь и передвигаясь, подвергают риску себя и других и являются элементами распространения инфекции. Таким образом,

политики приходят к выводу, что люди опасно иррациональны и слабы и нуждаются в защите не только от других, но и от самих себя.

В результате даже самый либеральный и демократический класс политиков не вправе полагаться исключительно на решения и позиции коллективного интеллекта, но обязан действовать быстро, решительно и исключительно самостоятельно для ограждения общества от самого себя.

Таким образом, роль государства вновь подтвердилась благодаря кризису. В контексте глобализационных процессов ранее считалось, что конкретные экономические императивы важнее государственной политики. Однако когда потребовалось принятие экстренных мер, то принимало их именно государство. Проблемы, возможно, и были глобальными по масштабу, но решающее значение имела реакция на национальном уровне [6, с. 166].

С другой стороны, кризис еще раз продемонстрировал решающую роль многосторонних учреждений и совместного решения проблем главным образом внутри государства. Речь о роли гражданского общества в кризисные периоды современности. По большому счету именно институты гражданского общества в большинстве своем смогли облегчить труд медикам и самоизоляцию наиболее уязвимых слоев населения. При этом стало абсолютно очевидным, что гражданское общество не сможет полностью уйти в онлайн, оно необходимо именно в реальной жизни. От степени участия гражданских и коммерческих организаций в борьбе с распространением COVID-19 во многом зависело качество жизни населения в эти месяцы [6, с. 167-168].

Тезис о том, что гражданское общество – фундамент демократии, не новый, но кризис 2020 г. показал, что гражданское общество может стать опорой для демократического государства и в отсутствии фактора «мирного времени».

Какое это имеет значение в контексте электронной демократии? Мы видим, что условия существования и эффективности электронной демократии очень подвижны. И даже при их наличии сегодня, трудно гарантировать их существование в той же степени в ближайшей перспективе. Только развитое и

устойчивое, подвижное и самовоспроизводящееся гражданское общество способно нивелировать зыбкость и неустойчивость необходимых условий для эффективного функционирования электронной демократии.

При этом крайне важно не путать взаимодействие государства с гражданами через Интернет и создание инструментов электронной демократии гражданским обществом. Создание государством каналов коммуникации не подразумевает создание разнообразного независимого устойчивого базиса электронной демократии, который способно гарантировать исключительно гражданское общество. Более того, использование (пусть и самое разнообразное) государством цифровых технологий во взаимоотношениях с гражданами не может называться цифровой демократией, так как использование современных технологий не предполагает автоматической диверсификации власти.

Когда мы говорим об электронной демократии, то в теории имеем в виду общественно-государственное самоуправление, возникающее во взаимодействии гражданского общества и государства на цифровых платформах. При этом важно отметить, что речь не идет об имитации такого взаимодействия с искусственно созданными властью имитационными организациями или в рамках имитационных институтов. В этом процессе важно включенное участие всех желающих без специально ограничивающих механизмов.

Конечно, механизм становления электронной демократии на разнообразных площадках натывается на большое количество существующих цифровых реалий, которые, несомненно, являются своего рода препятствиями к становлению базиса электронной демократии снизу. К таким реалиям относятся:

1. *Законы в авторитарных государствах, направленные на контроль Интернета и его ограничение*

Блокировка контента и слежка за гражданами online также являются искусственными методами, препятствующими развитию гражданского

общества в интернете. Но, несмотря на подобные мероприятия и препятствия, Интернет все равно остается относительно неподконтрольным пространством – питательной средой для гражданских активностей, так как предоставляет возможности для самоорганизации общества [11, p. 8].

Однако специфическая правоприменительная практика в отношении регулирования деятельности в Интернете может принести больше вреда: аресты и обвинительные приговоры за репосты, посты и комментарии в соцсетях ведут не только к самоцензуре в дальнейшем, но и приводят к тому, что люди могут отказываться от участия в сетевых гражданских активностях.

2. Существующие социальные и Интернет платформы

Сам факт существование таких платформ – своего рода препятствие на пути становления электронной демократии снизу, когда в идеале граждане самостоятельно должны бы решать, какие платформы и для чего им нужны или не нужны. Однако, уже существующие Google, Apple и пр. становятся своего рода пятой властью, представляя собой крупные транснациональные корпорации, внутри которых мы все уже живем. Они имеют капиталы и влияние, сравнимые с капиталами и влиянием отдельных государств, и ставят перед обществом огромные вопросы: «Как регулировать эту власть? Как ее контролировать? Как ей доверять?».

Гражданское общество должно начать работать с этой пятой властью – участвовать в выработке политики таких кампаний и в способах их функционирования. Иначе ресурсы гражданского общества, вышедшего из-под гнета и цензуры государства, тут же попадут во власть и под возможную цензуру со стороны глобальных сетевых платформ, все возможности для этого уже имеются, а потенциал продолжает накапливаться.

3. Распространение контента, связанного с насилием, и оправдание цензуры

Мы прекрасно понимаем, что свобода в Интернете предоставит возможности не только для распространения идей добра и справедливости, но и для распространения человеконенавистнического контента разного рода. И

именно здесь, в определении того, какой контент является приемлемым, а какой должен преследоваться по закону, кроется ключевая опасность становления электронной демократии. Понятно, что ни определение неправомерного контента с помощью искусственного интеллекта, ни блокировки ресурсов – не приведут к исчезновению нежелательного контента, но поставят новые вопросы о том, кто имеет право определять, что является приемлемым для свободного самоуправяемого общества, а что нет [11, р. 7].

4. Самим гражданским организациям сложно начать разговор с широкой аудиторией

У таких организаций уже есть большой круг своих фанатов, поклонников, тех, кто дает им деньги, поддерживают, ходит на мероприятия [9, р. 50]. Но этот круг ограниченный и конечный, потому что людей с устоявшейся системой взглядов мало. Как говорить с людьми, которым изначально все равно, чем ты занимаешься? Новый вопрос, который встает перед гражданским обществом в свободном информационном пространстве.

Но для построения электронной демократии мало добиться только свободы в глобальной сети, более важно вернуть гражданскому обществу политику в части вопросов Интернета. А уже затем перевести политику в онлайн пространство. Не технологический контроль, но именно политику.

Только когда электронная демократия будет создаваться не сверху, а посредством потребностей гражданского общества, у нее появляется шанс на устойчивость. Именно в этом случае уровень доверия к процедурам электронной демократии будет стабильно высоким, так как будет определяться самим обществом. Уровень транспарентности будет необходимым за счет внутренней конкурентности процессов. Мотивация политического класса учитывать и поддерживать данную форму принятия решений по факту даже не потребуется, так как электронная демократия не будет напрямую зависеть от нее, а фактор «мирного времени» будет преодолен посредством совместной деятельности гражданского общества (с инструментами электронной демократии) и государства.

Подводя итог сказанному, следует сказать, что в эпоху цифровой трансформации общества и повсеместного проникновения цифровых процессов в плоскости политики больше невозможно избегать таких механизмов как электронное участие и электронная демократия. Однако в каждом конкретном обществе и каждой конкретной стране эти механизмы могут быть применены со своей спецификой, что может создавать угрозы к скатыванию цифровой демократии к цифровому авторитаризму.

Форм, условий существования и методов цифрового авторитаризма в настоящее время существует значительно больше, чем образцов электронной демократии. Во многом стоит отметить, что она до сих пор остается в большей степени теоретическим концептом. Но при всеобъемлющей цифровизации общества дихотомия демократия – авторитаризм вряд ли куда-то исчезнет, а потому поиск условий существования цифровой демократии остается крайне актуальной задачей.

Обозначенные в данной статье условия эффективности цифровой демократии, закладываемой на государственном уровне, носят неустойчивый характер и несут внутреннюю угрозу к ее перерождению. Однако создание механизмов цифровой демократии через институты гражданского общества, включение партиципаторных практик не только в принципы деятельности государства, но и заземление их на гражданские организации, создает определенного рода гарантии устойчивости системы. Невозможно отрицать тот факт, что само гражданское общество (от партий до соседских организаций) все больше и больше функционирует в рамках сетевых взаимоотношений, при этом оставаясь структурами живого общения. Поэтому движение в сторону электронной демократии снизу видится обязательно двусторонним. С одной стороны, электронная демократия должна быть обязательно заземлена на гражданские организации, а с другой – именно гражданское общество должно быть способным по своей сути и структуре принимать практику электронной демократии как инструмента функционирования общества, чтобы не отдавать

его полностью на откуп государства, а статья надежным базисом для эффективного функционирования нового типа демократии.

Список литературы:

1. Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм. Институт электронного участия в недемократических странах // *Полития*. 2016. № 4. С. 36-55.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // *Вопросы философии*. 2012. № 9. С. 56-66.
4. Пилипенко А.Н. Франция: к цифровой демократии // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4. С. 185-207.
5. Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления [Электронный ресурс] // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 76. URL: <https://goo.su/2jP7> (дата обращения: 15.09.2020).
6. Саква Р. Здравый смысл: перезагрузка // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 3. С. 163-168.
7. Чэндлер Д. Биополитика и подъем «антропоцентрического авторитаризма» // *Россия в глобальной политике*. 2020. №3. С. 148-154.
8. Boulianne S. Building faith in democracy: deliberative events, political trust and efficacy // *Political Studies*. 2019. Vol. 67 (1). P. 4-30.
9. Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. Issue 1. P. 39-54.
10. Putnam R. Tuning in, tuning out: The Strange disappearance of social capital in America // *Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28. No 4. P. 664-683.
11. Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. Online social networks and offline protest // *EPJ Data Science*. 2015. Issue 1. Vol. 4. P. 1-9.

Сведения об авторе:

Власова Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

Data about the author:

Vlasova Olga Yurievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of State Academic University for Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: olya.vlasova@gmail.com.